

ПОЭЗИЯ РУССКОГО САМОПОЗНАНИЯ

О лирике Андрея Вознесенского

НА КНИГЕ перевода «Фауста», вышедшей в Гослите в 1956 году, дарственная надпись: «Второе января 1957 года, на память о нашей встрече у нас дома 1-го января. Андрюша, то, что Вы так одарены и тонки, то, что Ваше понимание вековой преемственности счастья, называемой искусством, Ваши мысли, Ваши вкусы, Ваши движения и пожелания так часто совпадают с моими, — большая радость и поддержка мне.

Верю в Вас, в Ваше будущее.

Обнимаю Вас.

Ваш Б. Пастернак.

Великий русский поэт оказался пророческим. Его вера в поэзию Андрея Вознесенского, в его вкусы, в его мысли была результатом пристального отношения к молодому поэту и его художественному миру.

Подтверждением тому является новый сборник стихов и прозы «Аксиома самоиска», изданный в этом году совместным советско-финским предприятием «ИКПА». Неизвестное и чувствительное ощущение вызывает во мне эта удивительно умная и искренняя книга.

В ней нерв времени. В ней мужество и мудрость самоиска. В ней невозможность уйти от решения всех постоянных и временных форм жизни, будь то афганская проблема или Карабах, сталинщина или литовский узел, русское постическое зарубежье или судьба Высоцкого. И во всем поэт ищет критерий истины. «Невозможность — невеста человечества», — писал Андрей Платонов. Совместимы ли невозможность и поиск истины, когда вокруг обитают «несанкционированное солнце», «несанкционированная тревога», «несанкционированная женщина», «несанкционированное самоубийство» и, наконец, «несанкционированные слезы, которые в горле страны стоят»? ...Все эти муки и напряжение, изнурительные усилия и долговременное терпение народа — истинное испытание совести — счет идет на секунды. «Совесть — секундомер».

Больше всего поэт остерегается равнодушия и озлобленности. «Черный ворон» ничего не хочет, его невозможно чем-либо прельстить. Он на все отвечает: «А на фига?!» Быть великим ментором, богом машин и экспериментов он не хочет. Заменить короля и холуя демократией он тоже не желает. Для него «все — мура». «Жизнь была — а на фига?» — спрашивает раб стандарта, царь природы.

Андрей Вознесенский не созерцает, а непосредственно и постоянно выражает свои чувства, настроения, мысли. Его музыкальный звук, ритм, гармония не имеют аналога в современной поэзии: «Где Ваша могила — хотя бы холм, — Всеволод Эмильевич Мейерхольд? Радость открывающий мореход — Всеволод Эмильевич Мейерхольд».

Меня всегда поражает в А. Вознесенском умение выслушивать спокойно и с достоинством публичные суждения о самом себе. Ажиотаж вокруг его имени велик, и уже на протяжении многих лет держится на высокой планке. Я как-то спросил у поэта:

— Что сулит нашей литературе размежевание на «левых» и «правых»?

— Думаю, что дело не в размежевании, — ответил Андрей Андреевич, — а в разном подходе к истории государства российской культуры, и в конечном счете к вопросу о порядочности и интеллигентности

русского писателя. Набирать «очки популярности» черносотенными заявлениями и действиями — испытанный прием, и ни к чему хорошему он никогда не приводил.

Наиболее ярко и отчетливо сформулирован эстетический идеал поэта в очерке «Всенародный Володя», посвященном Высоцкому.

Мы живем в эпоху интеллектуального оскудения личности... И утешение приносит нам то обстоятельство, что изредка, может быть, два или три раза в столетие, приходят исполинские фигуры, не знающие ни страха, ни смерти. Они поражают нас универсальностью человеческих способностей, неограниченностью своих духовных контактов с миром.

Вознесенский пишет о Высоцком: «Попытавшийся нарисовать его с удивлением вдруг обнаруживает в его лице античные черты — эту скошенную по-бельведерски лобную кость, прямой крепкий нос, округлый подбородок, — но все это было скрыто, окутывалось живым обаянием, призрачной усмешкой и тем неприкаянным, непередаваемым, трудным светом русской звезды, который отличается от легкого света поп-звезд Запада. Это была уличная античность, ставшая говорком нашей вседневности, — он был классиком московских дворов».

Театральным «университетом» стала для Андрея Вознесенского Таганка. Там судьба свела его с Юрием Любимовым. Там он познакомился с Н. Эрдманом, академиком П. Л. Капицей, молодым А. Д. Сахаровым. Так случилось, что в спектакле «Антимиры» по Вознесенскому Владимир Высоцкий впервые в жизни вышел на театральную сцену с гитарой. «Таганка, — пишет Вознесенский в очерке «Таганка-антигитара», — была художественным эпицентром свободоловливой интеллигенции. А ее художественному руководителю Юрию Любимову он объясняется в любви: «Но я люблю Вас как поэта...».

В стихотворении «Похороны Гоголя Николая Васильевича» есть такие строчки: «Любят похороны в России, поминки, когда мы мертвы, забывая, пока живые». Как это точно соотносится с судьбой русских поэтов: Пушкиным и Лермонтовым, Маяковским и Есениным, Пастернаком и Высоцким...

Не пуля, так сплетня
Их в гроб уложила,
Не с песней, а с петлей
Их горло дружило.
И пули свистели,
Как дыры кларнетов,
В пробитые головы
Лучших поэтов.

Поэт побуждает нас к постоянному размышлению. Спрашивает: «Ну что тебе надо еще от меня»; восклицает: «Прекрасное мгновение, не слишком ли ты подзамянулось?». Наше время поэт называет «обеденным перерывом», когда «все едят и едят в счет 1995 года». Поэтому он мучительно просит «помогите время сдвинуть с мертвой точки». («Время на ремонте»).

МНЕ повезло. В годы большого поэтического бума я работал в Политехническом и имел непосредственное отношение к первым авторским вечерам Евушенко, Рождественского, Ахмадулиной и Вознесенского. Преодолевая идеологические запреты, «гудящая раковина гиганта» собирала тысячные аудитории на эти вечера.

Политехнический

— моя Россия! —

Ты очень бережен и добр, как бог,
Лишь Маяковского не уберег.

Михаил ГОЛЬДЕНБЕРГ,
кандидат искусствоведения.

Андрей Вознесенский с Бобом Диланом в своей мастерской в Переделкино.